

Существенный вред как криминообразующий признак злоупотребления и превышения должностных полномочий: проблемы доктринального понимания и судебной практики

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Нелли Андреевна Попова

Адвокатское бюро «Леонтьев и партнеры», Москва, Российская Федерация, *polga1014@gmail.com*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются проблемы установления существенного вреда как криминообразующего признака злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Актуальность исследования обусловлена тем, что оценочный характер данного признака при отсутствии единых критериев его установления порождает неоднородность судебной практики и осложняет разграничение преступного должностного поведения с дисциплинарными, административными и гражданско-правовыми нарушениями.

В статье раскрываются основные доктринальные подходы к пониманию существенного вреда, анализируются количественные, качественные и комплексные критерии его оценки. Особое внимание уделяется судебной практике по ст. 285 и 286 УК РФ, в которой выявляются типичные ошибки правоприменения: формальная констатация существенности вреда, абстрактные ссылки на подрыв авторитета органов власти, механическое отождествление имущественного ущерба с существенным вредом, а также недостаточная проверка причинной связи между деянием должностного лица и наступившими последствиями.

В конечном итоге обосновывается необходимость более конкретной конкретизации существенного вреда в обвинении и судебном приговоре. Формулируются предложения по уточнению разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 в части закрепления ориентирующих критериев оценки существенного вреда и его разграничения с тяжкими последствиями.

Ключевые слова: существенный вред, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, должностные преступления, криминообразующий признак, судебная практика, оценочные признаки, причинная связь

Для цитирования: Попова Н.А. Существенный вред как криминообразующий признак злоупотребления и превышения должностных полномочий: проблемы доктринального понимания и судебной практики // Юридический вестник ДГУ. 2026. Т. 58, № 2 (78). С. 142–153. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-142-153

Original article

Substantial harm as a crime-forming element of abuse and excess of official powers: problems of doctrinal understanding and judicial practice

5.1.4 — Criminal law sciences

Nelli A. Popova

Leontiev and Partners Law Office, Moscow, Russian Federation, *polga1014@gmail.com*

Abstract. This article examines the problems of establishing substantial harm as a crime-forming element of abuse of official powers and excess of official powers. The relevance of the study is determined by the evaluative nature of this element and the absence of uniform criteria for its establishment, which leads to inconsistent judicial practice and complicates the distinction between criminal official misconduct and disciplinary, administrative or civil-law violations.

The article analyzes the main doctrinal approaches to understanding substantial harm and examines quantitative, qualitative and comprehensive criteria for its assessment. Special attention is paid to judicial practice under Articles 285 and 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study identifies typical law enforcement errors, including formal statements of substantial harm, abstract references to undermining the authority of public bodies, mechanical identification of property damage with substantial harm, and insufficient verification of the causal link between the act of an official and the resulting consequences.

Ultimately, the article substantiates the need for a more precise specification of substantial harm in the accusation and in the court judgment. The author formulates proposals for clarifying the explanations contained in Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 16, 2009, in terms of establishing guiding criteria for assessing substantial harm and distinguishing it from grave consequences.

Keywords: substantial harm, abuse of official powers, excess of official powers, official crimes, crime-forming element, judicial practice, evaluative elements, causal link

For citation: Popova N.A. Substantial harm as a crime-forming element of abuse and excess of official powers: problems of doctrinal understanding and judicial practice. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2026, vol. 58, no. 2 (78), pp. 142–153. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-142-153. (In Russ.).

Введение. Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) занимают лидирующее место среди всей коррупционной преступности и представляют повышенную общественную опасность ввиду особого статуса виновного лица, наделённого властными полномочиями. Ключевым признаком объективной стороны обоих составов выступает наступление общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства. При этом законодатель не раскрывает содержание понятия «существенный вред», относя его к числу оценочных категорий [1, с.18; 2, с. 8].

Проблема единообразного толкования существенного вреда приобретает особую актуальность в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым суд при признании подсудимого виновным по признакам, относящимся к оценочным категориям, не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака¹. Однако отсутствие чётких критериев существенности вреда на практике приводит к неоднородным судебным решениям и, как следствие, к нарушению принципов справедливости и неотвратимости ответственности.

Цель настоящего исследования – комплексный анализ теоретических и практических аспектов установления существенного вреда при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, а также выработка предложений по совершенствованию качества уголовно-правовой охраны в сфере службы в государственных органах и иных публичных организациях. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: 1) раскрыть правовую природу существенного вреда как конструктивного признака должностных преступлений; 2) проанализировать доктринальные подходы к определению критериев существенности; 3) исследовать судебную практику применения ст. 285 и 286 УК РФ; 4) выявить проблемы правоприменительной практики; 5) разработать предложения по унификации подходов к оценке существенного вреда.

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и логический методы познания. Теоретической базой послужили научные труды в области уголовного права, в том числе работы В.Н. Боркова, М.Н. Каплина, С.Д. Бражника, А.А. Ильина, Е.В. Серегиной и других авторов.

Основная часть

1. Понятие и правовая природа существенного вреда по ст. 285 и 286 УК РФ

В уголовном законе понятие «существенный вред» выступает конструктивным признаком составов, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ. При этом законодатель не даёт легального определения данной категории, что предопределяет её оценочный характер и необходимость доктринального и судебного толкования.

Согласно ч. 1 ст. 285 УК РФ, злоупотребление должностными полномочиями – это использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Аналогичные последствия предусмотрены для ч. 1 ст. 286 УК РФ, с тем отличием, что при превышении должностных полномочий деяние характеризуется совершением действий, явно выходящих за пределы полномочий должностного лица.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 разъяснил, что при оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесённого ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причинённого им физического, морального или имущественного вреда и иные обстоятельства.

Существенные нарушения могут выражаться в причинении материального ущерба, нарушении конституционных прав и свобод граждан, подрыве авторитета органов власти, государственных и иных организаций. Как отмечается в юридической литературе, физический вред гражданам не является характерным признаком преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, хотя при превышении должностных полномочий (особенно при квалифицированных составах) возможно причинение вреда здоровью различной степени тяжести.

Важной характеристикой существенного вреда является его связь с общественной опасностью деяния. Вред при этом понимается именно как существенный, поскольку признак обществен-

ной опасности преступления предполагает именно такую качественную определённость: должностные злоупотребления неспособные причинить существенный вред интересам граждан, общества и государства, признаются ничтожными для уголовно-правовой оценки и не образуют исследуемых составов преступлений.

Следовательно, основная проблема применения ст. 285 и 286 УК РФ состоит не только в оценочном характере признака существенного вреда, но и в том, что суды нередко подменяют установление реального общественно опасного последствия констатацией самого факта должностного нарушения, размера ущерба либо абстрактного подрыва авторитета публичной власти. В результате существенный вред перестаёт выполнять функцию криминообразующего признака, отделяющего преступление от дисциплинарного, гражданско-правового или административного правонарушения.

2. Доктринальные подходы к определению критериев существенного вреда

В науке уголовного права отсутствует единое мнение относительно критериев, позволяющих отграничить существенный вред от малозначительного или незначительного. Как справедливо отмечают М.Н. Каплин и С.Д. Бражник, «на сегодняшний день нет единообразного толкования данного законодательного признака, его оценка проводится в каждом конкретном случае, что в свою очередь «развязывает руки» правоприменителю при квалификации указанных деяний» [3, с. 149].

А.А. Ильин обращает внимание на то, что признак существенности вреда не имеет заранее заданного нормативного содержания и потому подлежит оценке с учетом обстоятельств конкретного дела [4, с. 102]. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для квалификации злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, поскольку оба состава сконструированы как материальные: уголовно-правовое значение приобретает не само по себе нарушение порядка осуществления служебных полномочий, а наступление такого негативного результата, который достигает уровня существенного нарушения охраняемых законом интересов.

В теории уголовного права выделяются следующие подходы к определению существенного вреда:

1. Количественный (материальный) подход. Существенность вреда связывается с размером причинённого материального ущерба. При этом возникает проблема: закон не устанавливает пороговых значений для должностных преступлений, в отличие от экономических составов (например, крупный и особо крупный размер в ст. 159, 160 УК РФ). Некоторые учёные предлагают установить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ примерный перечень критериев с указанием минимальных сумм ущерба [5, с. 58]. Однако такой под-

ход не учитывает нематериальные виды вреда, которые могут быть не менее существенными для потерпевшего.

2. Качественный подход. В рамках данного подхода существенность вреда определяется не столько через его стоимостное выражение, сколько через характер нарушенного общественного отношения, значимость затронутого блага и интенсивность негативного воздействия на права и законные интересы потерпевшего. Такой подход особенно важен для квалификации должностных преступлений, поскольку последствия злоупотребления или превышения полномочий нередко выражаются не в прямом имущественном ущербе, а в деформации нормального порядка реализации публичной власти, ограничении субъективных прав граждан либо создании препятствий для деятельности организаций. Данный вывод согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым вред, причиненный правам и законным интересам гражданина, может признаваться существенным с учетом характера этих прав и интересов, в частности при нарушении конституционных прав. Следовательно, при оценке существенности вреда правоприменитель должен исходить не из формального наличия нарушения, а из уголовно-правовой значимости затронутого интереса, степени ограничения права, продолжительности негативных последствий и их влияния на фактическую возможность реализации соответствующего права. В связи с этим нарушение конституционных прав гражданина – например, права на жилище, свободу передвижения, труд, судебную защиту, получение медицинской помощи или доступ к публичной услуге – может образовывать существенный вред даже при отсутствии значительного материального ущерба. Однако само по себе упоминание конституционного права в обвинении или приговоре не освобождает суд от обязанности раскрыть, в чем именно выразилось его нарушение, насколько оно было значимым для потерпевшего и каким образом наступившее последствие находится в причинной связи с деянием должностного лица [6, с. 180].

3. Комплексный подход. Наиболее убедительным представляется комплексный подход к определению существенного вреда, поскольку он позволяет избежать как чрезмерной формализации данного признака, так и его произвольного расширительного толкования. В его основе лежит оценка не одного изолированного показателя, а совокупности обстоятельств, характеризующих фактические последствия должностного преступления: размер имущественного ущерба, характер нарушенного права или законного интереса, количество потерпевших, продолжительность негативного воздействия, степень нарушения нормальной деятельности организации, а также причинную связь между деянием должностного лица и наступившими последствиями.

Значение данного подхода состоит в том, что существенный вред в составах ст. 285 и 286 УК РФ выполняет функцию уголовно-правового порога, отделяющего преступное должностное поведение от дисциплинарного проступка, гражданско-правового деликта или административного правонарушения. Поэтому его установление не может сводиться ни к формальному указанию на сумму ущерба, ни к абстрактной ссылке на нарушение интересов службы, подрыв авторитета органа власти или несоблюдение прав граждан. В каждом случае суд должен показать, почему именно данное нарушение приобрело уголовно-правовую значимость и в чем выразилось реальное ухудшение состояния охраняемого уголовным законом объекта.

В этом отношении заслуживает внимания позиция Е.В. Серегиной, Е.А. Кравцовой и Н.А. Хасановой, предлагающих уточнить содержание понятия «существенный вред» в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 путем закрепления перечня обстоятельств, подлежащих обязательному установлению и оценке [7, с. 150]. Такое предложение представляется обоснованным, однако указанный перечень должен иметь не исчерпывающий, а ориентирующий характер, поскольку чрезмерная нормативная детализация оценочного признака способна привести к обратному результату — формальному применению заранее заданных критериев без учета специфики конкретного дела.

3. Подходы к установлению существенно-го вреда как признака ст. 285 и 286 УК РФ в судебной практике

Анализ судебной практики показывает, что суды общей юрисдикции нередко испытывают затруднения при обосновании существенности причинённого вреда.

Очень часто суды ограничиваются формальной констатацией существенности вреда без приведения конкретных обстоятельств. В научной литературе приводится показательный пример: гражданин К. привлекался к ответственности по ст. 286 УК РФ за нарушение установленного законом срока расследования уголовных дел, что затронуло существенные интересы обвиняемого. Однако в приговоре суд не указал, как конкретно и в каком объёме был причинён вред, ограничившись указанием на количество лиц и факт возмещения вреда [7, с. 149]. Решения всех инстанций были признаны незаконными и необоснованными, поскольку разъяснений по сумме ущерба и каким лицам он был причинён, не давалось.

Примечательно, что судебная практика признаёт существенным вредом не только материальный ущерб, но и нематериальные последствия. Так, согласно разъяснениям, квалификацией по ч. 3 ст. 286 УК РФ охватывается причинение потерпевшему любого вреда здоровью, кроме случаев причинения тяжкого вреда здоровью, а также умышленного убийства. Однако здесь возникает

проблема разграничения между существенным вредом (ч. 1 ст. 286 УК РФ) и тяжкими последствиями (ч. 3 ст. 286 УК РФ). В доктрине и практике отсутствует единообразный подход к отграничению этих категорий.

Конституционный Суд РФ в определении от 18 июля 2024 г. № 2046-О обратил внимание на проблему включения в размер вреда, причинённого должностным лицом, суммы налога на добавленную стоимость, уплаченного в бюджет, а также стоимости фактически выполненных работ. Это свидетельствует о сохраняющейся актуальности вопроса о методике исчисления материального ущерба при должностных преступлениях¹.

Согласно конституционно-правовому толкованию понятие «существенное нарушение прав и законных интересов», как и всякое оценочное понятие, получает содержание в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и при надлежащем толковании законодательных терминов в правоприменительной практике².

Суды кассационной инстанции всегда указывают на нарушение судами первой инстанции и нередко апелляционной инстанции нарушений при установлении существенного вреда. Согласно разъяснениям, изложенным в п.19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре»³, выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом. Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например, тяжкие последствия, существенный вред, наличие корыстной или иной личной заинтересованности), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Качева Игоря Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 примечаний к статье 285, частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 54, частью седьмой статьи 241, частью третьей статьи 303 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 2046-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2025 № 4-УД25-2-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Но суды намеренно игнорируют указанные разъяснения Пленума Верховного суда РФ.

Так, в Постановлении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2026 по делу №7У-1108/2026 судом первой инстанции при постановлении приговора не учтены разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий. Из обстоятельств дела не усматривалось какие именно права и законные интересы организаций были нарушены и является ли такое нарушение существенным, попадающим под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ¹.

Кроме того, само обвинение должно быть конкретизировано. Если не ясно как действия обвиняемого подорвали авторитет государственных образовательных учреждений Российской Федерации (ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не раскрыто), то и ссылаться на подорванный авторитет нельзя.

Сторона защиты ссылалась на то, что обвинение сформулировано с использованием термина «государственное образовательное учреждение Российской Федерации», что является недопустимым, так как в настоящее время такое понятие отсутствует в нормативных актах и соответственно данная формулировка не позволяет понять кому причинен вред.

Суд указал: «Сам термин «государственное образовательное учреждение Российской Федерации» использовался в ранее действовавшем Законе... который утратил силу... В настоящее время... предусмотрено понятие «образовательная организация». Таким образом, ссылка в обвинительном заключении на «государственное образовательное учреждение...» является общим понятием и нарушает право обвиняемого на защиту».

Использование утратившего юридическую силу понятия делает обвинение абстрактным. Подсудимая была лишена возможности защищаться от конкретного обвинения, поскольку неясно, авторитет каких именно организаций (школы, управления образованием или системы в целом) был якобы подорван. Это лишает ее возможности оспаривать причинно-следственную связь между своими действиями и указанным последствием.

Суд установил, что потерпевшим признано Управление образования. Однако ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не указано, какие именно права и законные интересы этой организации были нарушены.

«При этом из предъявленного обвинения и обстоятельств дела... не усматривается, какие именно права и законные интересы этой организации были нарушены и является ли такое нарушение существенным...».

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, существенное нарушение прав организации может выражаться, например, в создании препятствий для нормальной работы или материальном ущербе. Без указания на конкретные последствия для Управления образования вывод о наличии состава преступления в отношении интересов этого юридического лица является необоснованным.

Суд подверг критике мотивировку судов относительно «подрыва авторитета».

Понятие «авторитет государственных учреждений» является крайне оценочным и абстрактным. Как справедливо отметил суд, оно никак не раскрыто в материалах дела.

Суд первой и апелляционной инстанции указали на «несоблюдение гарантированных Конституцией РФ и Трудовым кодексом РФ права на труд», связав это с подрывом авторитета. Однако несоблюдение трудовых прав учителей является самостоятельным нарушением их прав как граждан, но не обязательно влечет за собой «подрыв авторитета» всей государственной системы образования. Попытка объединить эти разнородные категории привела к логической ошибке и необоснованному расширению последствий деяния².

Другой пример, Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.03.2025 по делу №7У-1762/2025. Кассационный суд указывает, что «...приговор не содержит не только мотивов отнесения последствий от действий Гаврина В.И. к разряду существенных для общества и государства, но и самого вывода о существенности таких последствий».

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, суд обязан указать, какие именно права были нарушены и находится ли причиненный вред в прямой причинной связи с действиями должностного лица. Суд первой инстанции ограничился лишь констатацией материального ущерба и абстрактной «угрозы». При этом размер ущерба (более 900 тыс. рублей) не был сопоставлен со стоимостью фактически выполненных работ по смете, что ставит под сомнение его реальный масштаб.

Вопреки требованиям закона и вышеприведенным рекомендациям Пленума Верховного суда РФ приговор не содержит не только мотивов отнесения последствий от действий Гаврина В.И. к разряду существенных для общества и государства, но и самого вывода о существенности таких последствий.

¹ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2026 по делу №7У-1108/2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2026 по делу №7У-1108/2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, согласно приведенному в приговоре описанию преступления, последствия от его действий выразились в причинении материального ущерба государству в сумме 944985 рублей 55 копеек, создании угрозы наводнения микрорайона «Нижняя Терраса», опасности для жизни и здоровья неопределенного круга лиц – жителей данного микрорайона.

В итоге судом не установлено, повлияли ли действия Гаврина В.И. на интересы общества и государства, нарушили права и законные интересы граждан и организации, и если да, то каким образом. Ни один из допрошенных судом свидетелей, показания которых приведены в приговоре, не дал пояснений по данным вопросам. Не представлено тому и письменных доказательств, в то время как указанные обстоятельства как признаки преступления в силу ст. 73 УПК РФ подлежали обязательно установлению.

Таким образом, формального указания на наличие материального ущерба недостаточно для признания вреда «существенным». Суд обязан детально мотивировать свой вывод, проанализировав степень влияния деяния на нормальную работу организации и реальное состояние защищаемых объектов.

Нередко в суде кассационной инстанции дела прекращаются на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Так, Бикинеева Э.Р. осуждена по ч. 3 ст. 159 УК РФ, по ч.1 ст. 286 УК РФ. Однако в суде кассационной инстанции уголовное дело по обвинению Бикинеевой Э.Р. в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.286 УК РФ, прекращено на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Бикинеева Э.Р., будучи директором Муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Центр детского творчества», предоставила в пользование третьему лицу (ФИО1) на возмездной основе помещение хореографического зала.

Действия осужденной были квалифицированы по совокупности преступлений: мошенничество (хищение этих средств) и превышение должностных полномочий (самовольная сдача муниципального имущества).

Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ № 19, суд обязан указать, какие именно права были нарушены и находится ли вред в причинной связи с действиями должностного лица. Однако суды нижестоящих инстанций ограничились констатацией факта неправомерного распоряжения имуществом и недополучения учреждением суммы в размере 14000 рублей.

Суды нижестоящих инстанций проигнорировали ключевое обстоятельство: представитель потерпевшей стороны прямо указал в суде, что данная сумма является незначительной для бюджета. Это полностью опровергает тезис о «существенном нарушении». Как справедливо отметила кассационная инстанция, сам факт нарушения финансовой

дисциплины без доказательства его масштабов не образует состав преступления по ст. 286 УК РФ.

Не может рассматриваться как критерий существенности сумма в 14 000 рублей, признанная самим собственником незначительной, для такого крупного субъекта, как муниципальный орган власти. Суд первой инстанции ошибочно придал формальное значение факту нарушения процедуры, проигнорировав реальное содержание наступивших последствий.

Суд также отметил, что помещение из муниципальной собственности не выбывало. Следовательно, действия Бикинеевой Э.Р. не создали препятствий для основной уставной деятельности Центра детского творчества (обучение детей). Нарушение носило исключительно финансовый характер и было связано с неполучением дохода, а не с дезорганизацией работы учреждения.

При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния на нормальную работу организации. В данном случае влияние было минимальным, так как основной актив (помещение) остался в распоряжении учреждения и использовался им.

Кассационный суд четко разделил понятия. Причинение имущественного ущерба само по себе может быть признаком хищения (как это и было оценено судом в части обвинения по ст. 159 УК РФ), но для квалификации действий по ст. 286 УК РФ требуется доказать, что эти действия повлекли именно существенное нарушение охраняемых законом интересов государства или общества.

Суд кассационной инстанции указал, что самовольная сдача помещения в аренду, сопряженная с нарушением финансовой дисциплины, является серьезным должностным проступком, который должен повлечь дисциплинарную ответственность. Однако для признания этого деяния уголовным преступлением (превышением полномочий) одного лишь факта нарушения закона недостаточно. Необходимо доказать, что такие действия привели к реальным, значительным негативным последствиям для работы организации или интересов государства, чего в данном деле установлено не было¹.

Еще одним нарушением, на которые указывают суды кассационной инстанции, является перечень действий, повлекших наступление существенного вреда. Так, в Постановлении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.12.2024 по делу №7У-8749/2024 установлено, что Гофман И.Е., управляя филиалом банка, участвовал в заключении кредитного соглашения с АО «Кондор-Эко» на сумму 350 млн рублей. В процессе исполнения договора он потребовал от заемщика предоставить дополнительный залог (акции и доли в уставном капитале), хотя это не было

¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 по делу №7У-9921/2024. Допуст из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотрено первоначальными условиями. Кроме того, он ограничил выдачу траншей суммой свыше 10 млн рублей и сообщил представителю компании, что действие кредитного соглашения приостановлено до предоставления залога.

Суды квалифицировали эти действия как превышение должностных полномочий, повлекшее существенное нарушение прав АО «Кондор-Эко». По мнению судов, действия Гофмана дезорганизовали работу предприятия, создали препятствия в получении финансирования и поставили под угрозу исполнение крупного контракта с АО «Кольская ГМК».

«Признавая, что сообщение Гофмана И.Е. ... вызвало существенное нарушение прав ... выразившееся в том, что АО «Кольская ГМК» изменило порядок исполнения договора поставки... суд ограничился лишь указанием на данный факт... обстоятельство изменения договора... не исследовал».

Во-первых, суды сослались на изменение условий договора поставки со сторонним контрагентом как на следствие действий банкира. Однако из материалов дела следует, что изменение произошло по инициативе самого контрагента (АО «Кольская ГМК») в связи с необходимостью получения экологической экспертизы, а не из-за нехватки денег у «Кондор-Эко». Причинно-следственная связь не доказана.

Во-вторых, сам размер ущерба и влияние на деятельность компании были оценены неверно. Суд указал на «дезорганизацию деятельности», но проигнорировал данные бухгалтерской отчетности, согласно которым прибыль АО «Кондор-Эко» в 2021 году выросла по сравнению с предыдущим годом. Более того, компания получила от банка 100 млн рублей из 350 млн одобренных, и заявки на остальную сумму продолжали поступать, а официальных отказов от банка не последовало. Таким образом, утверждение о блокировке финансирования и параличе работы предприятия противоречит фактическим обстоятельствам дела.

Суд признал, что действиями Гофмана нарушены интересы государства, так как банк является организацией с госучастием. Однако кассационный суд справедливо отметил, что доказательств этому нет. Напротив, действия менеджера были направлены на минимизацию рисков для банка, что соответствует интересам собственника (государства). Сведений о том, что Банк ВТБ признавал действия своего сотрудника нарушающими его интересы, материалы дела не содержат.

Для привлечения к ответственности необходимо доказать, что должностное лицо действовало самовольно, вопреки прямому запрету или регламенту, и это привело к реальному, измеримому и значительному ущербу для потерпевшего. В данном случае ни один из этих элементов доказан не был. Действия осужденного, вероятнее всего, явля-

лись дисциплинарным проступком, но не уголовным преступлением¹.

Еще одним примером являются, абстрактные ссылки на «подрыв авторитета» без указания на конкретные негативные последствия (например, рост преступности, массовые жалобы, невозможность расследования других дел) являются недостаточными для констатации существенного вреда интересам государства.

Челядин М.А., будучи старшим оперуполномоченным, получил заявление от потерпевшей о покушении на изнасилование. Согласно версии обвинения, он, желая скрыть тяжкое преступление и улучшить статистические показатели отдела, вынудил потерпевшую написать новое заявление и дать объяснения, содержащие заведомо ложные сведения. В результате чего было вынесено незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Суды признали Челябинца виновным, указав, что его действия были совершены из иной личной заинтересованности (стремление приукрасить действительность) и повлекли существенное нарушение прав потерпевшей (на судебную защиту) и охраняемых законом интересов государства (дискредитация полиции).

При этом суд не привел в приговоре мотивов, в чем конкретно была дискредитирована деятельность органов полиции, и какие общественно опасные последствия для органов внутренних дел наступили в результате действий Челябинца М.А.

Судебная коллегия пришла к выводу о недоказанности наличия в действиях осужденного состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, сделав акцент на отсутствии причинно-следственной связи между действиями полицейского и наступившими последствиями.

В конечном итоге, уголовное дело по факту покушения на изнасилование все же было возбуждено, потерпевшая реализовала свое конституционное право на доступ к правосудию, преступник (ФИО7) был установлен, привлечен к ответственности и осужден по приговору суда.

В результате исследования материалов дела, суд пришел к выводу, что конституционные и процессуальные права потерпевшей в результате действий Челябинца М.А. не были нарушены, охраняемым интересам общества и государства существенный вред не причинен и значит в действиях Челябинца М.А. отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 285 УК РФ, в связи с чем приговор и апелляционное определение подлежат отмене, а уголовное дело прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Таким образом, задержка в возбуждении дела (около трех месяцев), вызванная первоначаль-

¹ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.12.2024 по делу №7У-8749/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ным отказом, не привела к необратимым последствиям. Формальное нарушение процедуры регистрации сообщения о преступлении само по себе не образует состав ст. 285 УК РФ.

Кассационный суд также подверг сомнению мотивы осужденного. Выводы судов о том, что Челядин действовал ради улучшения статистики и получения поощрения, основаны исключительно на показаниях одного свидетеля и общих рассуждениях о системе оценки деятельности отделов полиции.

«...в приговоре не привел каких-либо доказательств в подтверждение своих выводов, а в материалах уголовного дела отсутствуют сведения, подтверждающие, что Челядин М.А. руководствовался данными мотивами... и получил какое-либо поощрение».

Без конкретных фактов (приказов, распоряжений, системы премирования, показаний руководства) утверждение о корыстной или карьеристской мотивации остается предположением, которое не может лечь в основу обвинительного приговора.

Суд первой инстанции признал, что действия подсудимого дискредитировали полицию и подрывали авторитет власти. Однако кассационная инстанция справедливо отметила, что эти выводы носят декларативный характер.

«При этом суд не привел в приговоре мотивов, в чем конкретно была дискредитирована деятельность органов полиции, и какие общественно опасные последствия для органов внутренних дел наступили в результате действий Челядина М.А.»¹.

4. Подходы к разграничению существенного вреда и тяжких последствий (ч. 3 ст. 285, ч. 3 ст. 286 УК РФ)

Часть 3 ст. 285 и ч. 3 ст. 286 УК РФ предусматривают ответственность за деяния, повлекшие тяжкие последствия. Под тяжкими последствиями понимаются, в частности, крупные аварии, длительная остановка транспорта или производственного процесса, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство потерпевшего или покушение на самоубийство.

Проблема заключается в отсутствии чётких критериев, позволяющих отграничить «существенный вред» от «тяжких последствий». Обе категории являются оценочными, и зачастую грань между ними размыта. В судебной практике наблюдается тенденция к признанию существенным вредом последствий, не достигающих уровня тяжких, однако и здесь отсутствует единообразие.

В соответствии с п. 19 Постановления Пленума ВС РФ № 55, при квалификации преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (в том числе «тяжкие последствия», «существенный вред»), суд обязан привести в приговоре

конкретные обстоятельства, обосновывающие наличие этих признаков: «Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например, тяжкие последствия, существенный вред...), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака».

Представляется целесообразным закрепить в постановлении Пленума примерный перечень тяжких последствий (который в значительной степени уже содержится в п. 21 постановления № 19) и одновременно детализировать критерии существенного вреда, исключаящие его отождествление с тяжкими последствиями.

Во-первых, кассационные инстанции последовательно подчеркивают, что «существенное нарушение прав и законных интересов» (ч. 1, 2 ст. 285, ч. 1, 2 ст. 286 УК РФ) и «тяжкие последствия» (ч. 3 ст. 285, п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ) – это разные по своей правовой природе категории. Так, согласно Постановлению Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2025 по делу № 7У-1695/2025: «признаки являются самостоятельными, выводы о наличии которых подлежат самостоятельному обоснованию. При этом тяжкие последствия являются квалифицирующим признаком, а существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, является составообразующим»².

Во-вторых, судами неоднократно допускалась ошибка, когда причинение материального ущерба (даже значительного) и подрыв авторитета органов власти автоматически квалифицировались как «тяжкие последствия».

Осужденный, являясь начальником ФКУ НИИ, организовал незаконное начисление стимулирующих выплат научным сотрудникам, работающим по внутреннему совместительству, на общую сумму 2 812 901,24 рубля. Мотивом его действий послужили карьеристские побуждения – желание создать видимость эффективной работы учреждения перед вышестоящим руководством.

Суды первой и апелляционной инстанций установили факт совершения преступления и наличие корыстной заинтересованности. Однако, оценивая последствия, они пришли к выводу, что действия ФИО1 повлекли за собой наступление тяжких последствий. В качестве таковых были указаны: причинение значительного материального

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.07.2025 по делу №7У-4366/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2025 по делу № 7У-1695/2025 // Судебные решения.рф: сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/89408514> (дата обращения: 17.04.2026).

ущерба федеральному бюджету, дискредитация и подрыв авторитета органов власти.

Именно этот вывод стал предметом оспаривания в кассационной жалобе защиты, которая указала на отсутствие доказательств наступления именно тяжких последствий.

Главным вопросом кассационного пересмотра стала проверка обоснованности вывода суда о наличии квалифицирующего признака, предусмотренного ч. 3 ст. 285 УК РФ.

Как справедливо указал суд кассационной инстанции, причинение материального ущерба и дискредитация органов власти охватываются объективной стороной основного состава преступления (ч. 1 ст. 285 УК РФ) и являются формой выражения «существенного нарушения охраняемых законом интересов государства». Для квалификации деяния по части 3 данной статьи требуется наступление более масштабных последствий.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, тяжесть последствий оценивается судом с учетом всех обстоятельств дела, включая специфику деятельности организации и объем нарушенных прав. Тяжкими последствиями могут признаваться, например, дезорганизация работы государственного органа, остановка производственного процесса, крупный финансовый крах предприятия, экологическая катастрофа и т.п.

Суд кассационной инстанции выявил ряд существенных нарушений:

1. Формальный подход к размеру ущерба. Суд ограничился констатацией факта хищения суммы в 2,8 млн рублей. Однако он не проанализировал эту цифру в контексте общего объема финансирования учреждения. Как следует из материалов дела, сумма неправомерных выплат составила менее 3% от годовых лимитов бюджетных обязательств, выделенных на эти цели (в 2020 году – 56,7 млн руб., в 2021 году – 44,7 млн руб.). Без такого сопоставления невозможно сделать вывод о том, что данная утрата средств парализовала финансовую деятельность учреждения или поставила его на грань банкротства.

2. Отсутствие анализа реального влияния на работу учреждения. В приговоре отсутствуют доказательства того, что указанные действия привели к срыву выполнения государственных заданий, невыплате заработной платы другим сотрудникам, невозможности закупки необходимого оборудования или иным критическим сбоям в деятельности НИИ. Представитель потерпевшей стороны в суде прямо не подтвердил наступление таких последствий.

3. Неверная оценка нематериального вреда. Подрыв авторитета и дискредитация власти являются следствием любого коррупционного преступления и составляют суть «существенного вреда» интересам службы. Использование этого аргумента для обоснования «тяжких последствий» является логической ошибкой, поскольку это приводит

к смешению квалифицирующих признаков разных частей одной статьи.

Таким образом, суды не выполнили требование закона об обязательной мотивировке выводов относительно оценочных категорий. Ссылки на показания сотрудников полиции и справку о размере ущерба недостаточны для установления столь высокого квалификационного признака.

Однако вывод о наступлении тяжких последствий был преждевременным и не подтвержден материалами дела. Данный прецедент служит важным напоминанием для судов о том, что размер материального ущерба сам по себе не всегда свидетельствует о тяжести последствий для организации. Ключевым фактором является степень негативного влияния деяния на нормальный режим функционирования объекта посягательства. Отсутствие такого анализа делает квалификацию по более тяжкому составу необоснованной и влечет отмену судебного акта.

Аналогичная позиция выражена и по делам о превышении полномочий: «Размер материального ущерба, дискредитация авторитета органов государственной власти... изменение облика и интерьера объекта культурного наследия... являются необходимым признаком объективной стороны данного преступления, в связи с чем дополнительной квалификации по признаку причинения тяжких последствий не требуется»¹.

При оценке тяжести последствий суд обязан проанализировать, насколько причиненный ущерб является критическим для нормального функционирования организации. Отсутствие такого анализа влечет переквалификацию. Так, согласно Постановлению Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.10.2025 по делу № 7У-6392/2025: «Судом не проанализировано и в приговоре не указано, насколько выплаченная сотрудникам по совместительству сумма в размере 2 812 901,24 рубля, составляющая не более 3% от общих лимитов бюджетных обязательств за указанные два года, отразилась на деятельности... и является для него значительной, что повлекло тяжкие последствия».

Помимо этого, создание реальной угрозы охраняемым интересам может быть признано последствием преступления, однако сам факт угрозы должен быть подтвержден конкретными доказательствами, а не общими рассуждениями: «Судебными инстанциями... признано, что действиями осужденного создана реальная угроза для жизни и здоровья населения... Вместе с тем какие-либо доказательства наличия данной угрозы и её реальности, а также последствий, в приговоре не приведены»².

¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2026 по делу № 7У-993/2026. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2025 по делу № 7У-6808/2025. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Пути решения выявленных проблем установления существенного вреда

Проведенный анализ доктринальных подходов и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что основные трудности установления существенного вреда по ст. 285 и 286 УК РФ обусловлены не только отсутствием легального определения данного признака, но и недостаточной разработанностью методики его уголовно-правовой оценки. В правоприменении существенный вред нередко устанавливается через формальные признаки: сам факт нарушения должностных обязанностей, наличие имущественного ущерба, ссылку на подрыв авторитета органа власти либо указание на нарушение прав граждан без раскрытия реального содержания наступивших последствий. Такой подход размывает границу между преступлением и иными видами правонарушений.

Первая проблема состоит в отсутствии устойчивых критериев существенности вреда. Оценочный характер данного признака сам по себе не является недостатком уголовного закона, поскольку позволяет учитывать разнообразие фактических ситуаций, возникающих при совершении должностных преступлений. Однако при отсутствии четких ориентиров оценочность может трансформироваться в неопределенность, когда вывод о наличии состава преступления зависит не от установленных обстоятельств дела, а от усмотрения правоприменителя. В результате одно и то же по характеру нарушение в одних случаях получает уголовно-правовую оценку, а в других рассматривается как дисциплинарный или административный проступок.

Вторая проблема связана с оценкой нематериального вреда. Нарушение конституционных прав граждан, ограничение доступа к публичным услугам, воспрепятствование нормальной деятельности организации, дискредитация органа публичной власти действительно могут образовывать существенный вред. Вместе с тем такие последствия не должны презюмироваться из самого факта незаконного поведения должностного лица. Для их уголовно-правового учета необходимо установить, какое именно право или законный интерес нарушены, в чем выразилось негативное изменение положения потерпевшего, насколько длительными и интенсивными были последствия, а также каким образом они связаны с деянием должностного лица.

Третья проблема выражается в отсутствии единой методики оценки имущественного ущерба. Материальный вред не может оцениваться исключительно по абсолютной сумме. Одна и та же сумма ущерба может иметь различное уголовно-правовое значение в зависимости от масштаба деятельности потерпевшей организации, объема ее финансирования, значения утраченного имущества или денежных средств для выполнения публичных функций, а также от того, повлек ли ущерб реальное нарушение нормального режима работы органа, учреждения или организации. Поэтому попытка

закрепить универсальный денежный порог существенности была бы методологически спорной: она могла бы привести к формализации признака и необоснованному отождествлению имущественного ущерба с существенным вредом.

Представляется, что решение обозначенных проблем должно быть связано не столько с введением жесткого законодательного определения существенного вреда, сколько с уточнением разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19. Такие разъяснения должны закреплять ориентиры, позволяющие судам мотивированно устанавливать существенность вреда, сохраняя при этом возможность индивидуальной оценки обстоятельств конкретного дела.

В постановлении Пленума целесообразно указать, что при решении вопроса о наличии существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства судам необходимо устанавливать и оценивать:

1) конкретное право, законный интерес или публичный интерес, которому причинен вред;

2) форму наступивших последствий: имущественный ущерб, нарушение конституционного или иного субъективного права, дезорганизация деятельности органа или организации, создание реальной угрозы охраняемым интересам, иные негативные изменения;

3) степень выраженности последствий, включая их продолжительность, интенсивность, количество потерпевших, масштаб нарушения нормальной деятельности организации либо значение нарушенного права для потерпевшего;

4) соотношение имущественного ущерба с объемом деятельности и финансовыми показателями потерпевшей организации, а также его влияние на возможность выполнения ею своих функций;

5) наличие прямой причинной связи между деянием должностного лица и наступившими последствиями;

6) отличие причиненного вреда от последствий, характерных для дисциплинарного, административного или гражданско-правового нарушения.

Отдельного разъяснения требует использование в судебных решениях таких категорий, как «подрыв авторитета», «дискредитация органа власти», «нарушение интересов службы». Указанные формулы могут иметь уголовно-правовое значение только при условии их конкретизации. Суду необходимо раскрыть, чей именно авторитет был подорван, в чем выразилось нарушение нормального функционирования органа или учреждения, какие фактические последствия наступили и почему они достигли уровня существенного вреда. Абстрактная ссылка на дискредитацию публичной власти не должна рассматриваться как достаточное обоснование объективной стороны состава преступления.

Кроме того, в постановлении Пленума следует уточнить соотношение существенного вреда и тяж-

ких последствий. Существенный вред является конструктивным признаком основного состава преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, тогда как тяжкие последствия выступают квалифицирующим признаком и требуют самостоятельного доказывания. Поэтому обстоятельства, уже образующие существенное нарушение прав и законных интересов, не должны автоматически использоваться для обоснования тяжких последствий. Для квалификации по ч. 3 ст. 285 или ч. 3 ст. 286 УК РФ необходимо установить более высокий уровень негативного воздействия: необратимость или особую тяжесть последствий, длительную дезорганизацию деятельности органа или организации, причинение тяжкого вреда здоровью, смерть по неосторожности, крупномасштабные имущественные потери, существенное нарушение жизненно важных интересов личности, общества или государства.

Таким образом, совершенствование правоприменения должно быть направлено не на устранение оценочного характера признака существенного вреда, а на повышение требований к его установлению и мотивировке. Существенный вред должен устанавливаться как реальное общественно опасное последствие должностного преступления, а не как формальное следствие любого нарушения порядка осуществления служебных полномочий.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, существенный вред в составах злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий является не факультативным последствием, а обязательным криминообразующим признаком. Его назначение состоит в том, чтобы отделять преступное должностное поведение от дисциплинарных, административных, гражданско-правовых и иных нарушений, не достигающих необходимого уровня общественной опасности.

Во-вторых, оценочный характер существенного вреда не должен рассматриваться исключительно как недостаток законодательной конструкции. Напротив, он позволяет учитывать многообразие форм вреда, причиняемого должностными преступлениями. Однако такая оценочность требует повышенного уровня судебной мотивировки: в каждом случае должны быть установлены конкретный нарушенный интерес, характер негативных последствий, степень их выраженности и причинная связь с деянием должностного лица.

В-третьих, наиболее обоснованным является комплексный подход к определению существенно-го вреда. Материальный ущерб, нарушение конституционных прав, дезорганизация деятельности организации, подрыв авторитета публичной власти или создание угрозы охраняемым интересам могут иметь уголовно-правовое значение только при условии их конкретизации и оценки в совокупности с обстоятельствами дела. Ни один из указанных признаков сам по себе не должен автоматически признаваться достаточным для вывода о наличии существенного вреда.

В-четвертых, анализ судебной практики показывает, что типичными ошибками при применении ст. 285 и 286 УК РФ являются формальная констатация существенности вреда, абстрактные ссылки на дискредитацию органов власти, механическое отождествление имущественного ущерба с существенным вредом, а также недостаточная проверка причинной связи между деянием должностного лица и наступившими последствиями. Указанные ошибки приводят к расширительному применению уголовного закона и ослабляют разграничение преступлений против государственной власти с иными правонарушениями.

В-пятых, разграничение существенного вреда и тяжких последствий должно проводиться с учетом различной уголовно-правовой функции этих признаков. Существенный вред образует обязательный элемент основного состава, тогда как тяжкие последствия являются квалифицирующим признаком и предполагают более высокий уровень негативного воздействия на охраняемые уголовным законом интересы. Поэтому обстоятельства, подтверждающие наличие существенного вреда, не могут без дополнительного обоснования использоваться для квалификации деяния по более тяжким частям ст. 285 или 286 УК РФ.

В целях совершенствования правоприменительной практики представляется целесообразным уточнить разъяснения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, закрепив ориентирующий перечень обстоятельств, подлежащих обязательному установлению при оценке существенного вреда. Такой подход позволит сохранить гибкость оценочного признака, но одновременно повысит требования к установлению последствий должностных преступлений и обеспечит более последовательное разграничение преступного и неправомерного должностного злоупотребления.

Список источников

1. Борков В. Н. Квалификация должностных преступлений: монография / В. Н. Борков. Москва : Юрлитинформ, 2018. 284 с.
2. Борков В.Н. Существенность нарушения правоохраняемых интересов при квалификации должностного злоупотребления // Уголовное право. 2009. № 6. С. 8–13.

3. Каплин, М. Н. Существенный вред как признак превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) / М. Н. Каплин, С. Д. Бражник // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 14–20.
4. Ильин А. А. Характеристика существенности причинения вреда как признака превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Труды Академии управления МВД России. 2013. №1 (25). С. 102–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-suschestvennosti-prichineniya-vreda-kak-priznaka-prevysheniya-dolzhnostnyh-polnomochiy-st-286-uk-rf> (дата обращения: 17.04.2026).
5. Романова В. В. Общественно опасные последствия в служебных преступлениях // Криминалист. 2012. № 2(11). С. 53–58.
6. Фахриев М. М. Квалификация преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, и вопросы их предупреждения // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. № 3. С. 179–189.
7. Серегина Е.В., Кравцова Е.А., Хасанова Н.А. Некоторые проблемы юридической оценки последствий при злоупотреблении и превышении должностных полномочий // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. №1. С. 148–151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-yuridicheskoy-otsenki-posledstviy-pri-zloupotreblenii-i-prevyshenii-dolzhnostnyh-polnomochiy> (дата обращения: 17.04.2026).

References

1. Borkov V.N. Kvalifikatsiya dolzhnostnykh prestuplenii: monografiya [Qualification of Official Crimes: Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018, 284 p. (In Russ.)
2. Borkov V. Sushchestvennost' narusheniya pravookhranyaemykh interesov pri kvalifikatsii dolzhnostnogo zloupotrebleniya [Materiality of Violation of Legally Protected Interests in the Qualification of Abuse of Official Powers]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*, 2009, no. 6, pp. 8–13. (In Russ.)
3. Kaplin M.N., Brazhnik S.D. Sushchestvennyi vred kak priznak prevysheniya dolzhnostnykh polnomochii (st. 286 UK RF) [Substantial Harm as an Element of Excess of Official Powers (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami [Current Issues of Combating Crime]*, 2015, no. 1, pp. 14–20. (In Russ.)
4. Il'in A.A. Kharakteristika sushchestvennosti prichineniya vreda kak priznaka prevysheniya dolzhnostnykh polnomochii (st. 286 UK RF) [Characteristics of the Materiality of Harm as an Element of Excess of Official Powers (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia]*, 2013, no. 1 (25), pp. 102–104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-suschestvennosti-prichineniya-vreda-kak-priznaka-prevysheniya-dolzhnostnyh-polnomochiy-st-286-uk-rf> (accessed 17.04.2026). (In Russ.)
5. Romanova V.V. Obshchestvenno opasnye posledstviya v sluzhebnykh prestupleniyakh [Socially Dangerous Consequences in Official Crimes]. *Kriminalist [Criminalist]*, 2012, no. 2 (11), pp. 53–58. (In Russ.)
6. Fakhriev M.M. Kvalifikatsiya prestuplenii, svyazannykh so zloupotrebleniem dolzhnostnymi polnomochiyami, i voprosy ikh preduprezhdeniya [Qualification of Crimes Related to Abuse of Official Powers and Issues of Their Prevention]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva [Bulletin of Volga University named after V.N. Tatishchev]*, 2018, no. 3, pp. 179–189. (In Russ.)
7. Seregina E.V., Kravtsova E.A., Khasanova N.A. Nekotorye problemy yuridicheskoi otsenki posledstviy pri zloupotreblenii i prevyshenii dolzhnostnykh polnomochii [Some Problems of Legal Assessment of Consequences in Abuse and Excess of Official Powers]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki [Problems of Economics and Legal Practice]*, 2020, no. 1, pp. 148–151. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-yuridicheskoy-otsenki-posledstviy-pri-zloupotreblenii-i-prevyshenii-dolzhnostnyh-polnomochiy> (accessed 17.04.2026). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Нелли Андреевна, помощник адвоката, Адвокатское бюро «Леонтьев и партнеры», г. Москва, Российская Федерация. E-mail: polga1014@gmail.com

Поступила в редакцию 16.04.2026 г.; одобрена после рецензирования 16.05.2026 г.; принята к публикации 26.05.2026 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Nelli Andreevna, assistant attorney, Leontiev and Partners Law Office, Moscow, Russian Federation. E-mail: polga1014@gmail.com

Received 16.04.2026; approved after reviewing 16.05.2025; accepted for publication 26.05.2025